

Отряд Ли Цинвэня возвращался в лагерь, по колено утопая в снегу.

Солдаты при их появлении смотрели на них так, словно увидели выходцев с того света. Все были уверены, что люди сгинули в снежном плену, а они вернулись — и, к всеобщему изумлению, в полном составе!

Волокуши были завалены снегом. Цзян Липин на вопросы любопытных бросил, что они нарубили дров для строительства домов в будущем году. Солдаты расспрашивать не стали, лишь передали, что стражники господина Чжоу велели им сразу после возвращения явиться с докладом.

Не успели они дойти до конюшен, как навстречу им высыпали те, кто оставался в лагере. На их лицах всё еще читался пережитый ужас.

— Голова, наконец-то мы вас дождались! — наперебой заговорили они. — Как снег повалил, мы сразу почуяли неладное. Несколько раз выходили на поиски, но дорогу назад заносило вмиг. Боялись, что уйдём и не вернёмся, потому далеко не заходили. Слава небу, вы дома!

— Поговорим в доме, — устало бросил Цзян Липин.

Толпа расступилась, пропуская изнуренных путников.

Оказавшись в тепле, многие каторжане просто рухнули на пол, тяжело и прерывисто дыша. Кто-то жалобно затынул, что умирает от голода, но ни у кого не было сил даже пальцем пошевелить. Глядя на эту картину, те, кто не ходил в лес, поняли, насколько опасным выдался поход, и немедленно принялись варить кашу.

Ли Цинчжо так устал, что не мог разогнуть спину. Опершись на ногу старшего брата, он всё же заставил себя подняться, чтобы осмотреть товарищей на предмет обморожений.

Ли Цинвэнь лежал пластом, словно вытащенная на лед и замерзшая рыба. Только глаза его еще двигались. Снег выше колена — ходить по нему было слишком изнурительно!

Кто-то из домочадцев заметил груз на волокушах и радостно воскликнул:

— А мы-то думали, зря сходили! Столько добра притащили!

— Тише ты, — нахмурился Цзян Липин. — Хочешь, чтобы Лу Ган сюда прибежал?

Люди осеклись, осознав правоту его слов. На них всё еще лежало клеймо преступников, и какими бы ценными ни были находки, они не смогут их удержать, если об этом пронюхает охрана.

Несмотря на ломоту в костях, каторжане не решались долго лежать на полу. Все понемногу поднимались, разминая затекшие руки и ноги. Усталость — дело поправимое, а вот если кровь в жилах застаивалась и начинались судороги, это могло обернуться серьезной бедой.

Цзян Цун вышел на улицу, сделал несколько разминочных упражнений, а вернувшись, хорошенько растер Ли Цинвэня, разгоняя кровь. Только после этого все принялись шумно хлебать жидкую кашу.

Поев, юноша завернулся в одеяло и мгновенно провалился в глубокий сон. Вскоре после этого Цзян Цун и Цзян Липин переоделись и отправились к Чжоу Фэн-няню.

Ли Цинчжо из последних сил боролся со сном. Он принялся разбирать собранные линчжи — такие ценные лекарства требовали правильной обработки. Путь назад был невероятно тяжелым, но никто не заикнулся о том, чтобы бросить мешки. Раз уж дотащили, нельзя дать им пропасть.

Ли Цинжуй в это время вполголоса беседовал с остальными. Услышав, что Лу Гана удалось спасти, он невольно нахмурился. Удивительно, какой живучий человек: после таких тяжелых ран всё же выкарабкался.

— Специально посылали гонца в заставу Аньян, привезли лекаря. Говорят, тот раньше в императорских врачах ходил, много лет в ссылке, но мастерство свое не растерял...

— Да при чем тут живучесть Лу Гана? — фыркнул кто-то. — Чины — вот что его спасло. Стал бы кто ради простого человека гнать коней за восемьсот ли ради лекаря?!

Услышав такие недобрые вести с порога, Ли Маоцюнь только тяжело вздохнул. Старина Син попытался его утешить:

— Да не горюй ты так. Может, он еще эту зиму не переживет.

Люди согласно закивали, втайне надеясь на скорую кончину надзирателя. Услышав про Аньян, Ли Цинжуй принялся расспрашивать подробнее. Только тогда он узнал, что эта застава тоже считается частью «Пограничного города».

На самом деле «Пограничный город» — это не название крепости, а общее имя для всех поселений к северу от Лунбэя. На сегодняшний день таких мест было три: застава Аньян, Линьсу и та земля, на которой они сейчас стояли.

Аньян был местом ссылки еще при прежней династии. Находился он примерно в тысяче ли к северо-западу от Лунбэя. Ссылных там было великое множество; рассказывают, что однажды они, доведенные до отчаяния, подняли мятеж, который позже был жестоко подавлен.

Чтобы впредь каторжане не могли собираться в такие большие и неуправляемые толпы, новые места ссылки стали основывать в Линьсу. Этот город лежал в восьмистах-девятистах ли к северо-востоку от Лунбэя, говорят, где-то у самого моря.

В былые времена Великая Лян была не столь могущественна, и её границы не простирались так далеко. Сто лет назад Лунбэй считался самым северным рубежом. Земли за ним были необъятны и поделены между кочевыми племенами. Среди них выделялось племя Усун, пришедшее из лесов. Оно было настолько сильным, что когда-то правило всем Севером, расширяя владения во все стороны. Великая Лян долгие годы терпела от них беды, но потом, по неясной причине, это племя внезапно исчезло.

Без сильной руки кочевники погрязли в междоусобицах. Пока они воевали друг с другом, их силы истощились, и Великая Лян, которая хоть и терпела набеги, но сохранила свою мощь, постепенно стала доминирующей силой.

Несколько лет назад двор отправил множество отрядов для исследования этих земель, на которые прежде не ступала нога подданного империи. Несмотря на суровый климат, никто не мог отказаться от таких бескрайних просторов, и так эти края стали пограничными владениями Великой Лян.

Первые отряды солдат, прибывшие сюда, подвергались нападениям с севера и востока. Стало ясно: если землю не заселить, её тут же приберет к рукам кто-то другой. Однако содержать здесь огромную армию было крайне невыгодно.

Во-первых, слишком далеко от внутренних провинций — доставка продовольствия обходилась баснословно дорого из-за потерь в пути. Во-вторых, тепла здесь всего четыре-пять месяцев в году, вызревают лишь немногие скороспелые культуры, так что пахота себя не окупала.

Горький холод и безлюдье на тысячи ли — идеальная тюрьма, созданная самой природой. Взвесив все «за» и «против», двор решил превратить эти земли в место вечной ссылки.

О жизни и смерти каторжан можно было не заботиться, заставляя их пахать землю для провианта и растить лошадей. К тому же ссылных можно было использовать в боях вместе с солдатами, не выплачивая им жалованья. И наказание для преступников, и огромная экономия для казны — выгода была двойной.

В этом году двор прислал сюда солдат, чтобы рубить лес и строить дома. Теперь они стояли здесь гарнизоном, надзирая за ссылными и отражая набеги чужаков. Цзян Цун и его люди не были первыми каторжанами в этих краях. До них прислали две группы, всего человек пятьдесят. Они вышли в путь весной, когда погода была милостивой, но до места добрались лишь два десятка.

Отчаяние, страх перед будущим, тяготы бесконечного пути и рыщущие повсюду звери — не каждый мог вынести такое испытание.

Снегопад прекратился незаметно. Ли Цинжуй вместе с остальными вышел расчищать завалы. Снег подпирал двери снаружи, а от внутреннего тепла подтаивал и превращался в ледяную корку. Если вовремя не убрать, дверь намертво скует льдом, и тогда её будет не открыть. Снег у хижин приходилось чистить каждый день; сугробы выросли выше человеческого роста. У конюшен и коровников снега было еще больше, и его тоже нужно было убирать без промедления.

Ли Цинвэнь почувствовал, как по лицу что-то щекотно ползает. Он попытался увернуться во сне, но щекотка не прекращалась. Медленно открыв глаза, он увидел Ци Миня, который с лукавой ухмылкой водил капустным листом по его щекам.

— Поднимайся, пора есть! Еще немного поспишь — и всё без тебя схмячат, — Ци Минь засунул лист в рот и поманил его рукой.

Ли Цинвэнь лениво потянулся, сел и взглянул в окно. Небо было серым и неясным, так что и не поймешь сразу — утро сейчас или сумерки. Он машинально спросил про Цзян Цуна.

— С главой ушли к господину Чжоу, еще не возвращались, — ответил Ци Минь.

Чжоу Фэн-нянь не питал к ним вражды, так что долгое отсутствие друга никого особо не тревожило.

В этот поход они не добыли дичи, и припасы подходили к концу. Едва покончив с завтраком, старина Сунь с товарищами отправился на реку и вернулся с богатым уловом. Каким бы вкусным ни было блюдо, если есть его каждый день, оно осточертеет. К тому же рыбы им и раньше хватало, так что приходилось изощряться, чтобы хоть как-то разнообразить стол.

Кто-то додумался истолочь свежую рыбу в нежную пасту и налепить несколько тазов рыбных шариков. Несколько котлов уже сварили и съели подчистую.

Ли Маоцюнь, приглядывавший за огнем, принес Ли Цинвэню целую миску этих шариков. Порция была знатная — одни белоснежные шарики, насыпанные с горкой. Юноша был по-настоящему голоден. Не дожидаясь, пока остынет, он отправил один шарик в рот... и лицо его тут же приняло неопишное выражение.

В конце концов, из уважения к еде, он всё же проглотил угощение. Рыба была отличная, но вот

варить её без единой приправы, которая убрала бы специфический запах... вкус, честно говоря, оставлял желать лучшего. Ли Цинвэнь не решался жевать — просто заглатывал шарики целиком. Сделав несколько больших глотков воды, он произнес:

— В следующий раз нужно обязательно раздобыть семена разных трав и корней, а то такие продукты только зря переводим.

Ма Юнцзян посмотрел на него с нескрываемым изумлением:

— Ты что, после того как вернешься домой, собираешься снова сюда приехать?

В это проклятое место, если бы его не пригнали под конвоем, он бы ни за какие коврижки не сунулся! Ли Цинвэнь уставился на него в ответ:

— А что, вы в будущем году уже домой возвращаетесь?

Пока Цзян Цун оставался здесь, он понимал, что его сердце никогда не будет на месте. Домашние нужды семьи упирались в деньги, но нескольких десятков или сотни лянов серебра хватило бы на безбедную жизнь. Для нынешнего юноши это не было невыполнимой задачей — достаточно было продать в городе то, что он собрал здесь, и семья больше никогда не будет нуждаться.

В деревне жизнь текла мирно, отец и старший брат со всем справлялись, их никто не посмел бы обидеть. Но Цзян Цун, Цзян Липин и остальные — вот у кого была настоящая беда. Они были так молоды, многие не успели обзавестись семьями, и теперь им предстояло до конца дней жить на чужбине, да еще и считаться людьми второго сорта.

При мысли о том, сколь долог путь сюда и обратно, Ли Цинвэнь вздрогнул. Эти воспоминания были настолько мучительны, что он до сих пор не понимал, как смог одолеть эту дорогу. Задумавшись о бесконечной ссылке, Ма Юнцзян поник, точно побитая морозом капуста. Оба сидели молча, точно два кувшина с запечатанными горлышками.

Вернувшись, Цзян Цун увидел Ли Цинвэня, который уныло привалился к стене. Почувствовав запах вина, исходящий от вернувшихся, люди невольно позавидовали — в такую стужу глоток хмельного был бы как нельзя кстати. Цзян Липин выпил больше других. Он по-хозяйски уселся на кане и подзвал тех, кто оставался дома, чтобы повторить им свои недавние наставления. Смысл их сводился к одному: хотят ли они выжить? Если хотят, то с этого дня должны держать себя в строгости и не давать слабину.

Раньше комнату освещали лишь угли в жаровне, но теперь они привезли сосновые лучины, и в доме наконец-то стало светлее. Цзян Цун зажег лучину и протянул её мальчику, но Ли Цинвэнь не принял её. Он с тревогой взгляделся в лицо друга.

— Что у тебя с глазами?

— Ничего, — отозвался воин, опуская веки. — Наверное, ветром надуло.

Ли Цинвэнь нахмурился и подошел ближе.

— Покажи.

Он заставил Цзян Цуна открыть глаза и, увидев густую красную сетку на белках, похолодел от ужаса.

— Не похоже на ветер. Надутые глаза выглядят иначе...

Он немедленно позвал второго брата. Ли Цинчжо долго всматривался в глаза товарища, но смог лишь подтвердить, что это лопнули сосуды. Белков наполовину залило багрянцем — зрелище было пугающее. Остальные припомнили, что еще в дороге воин жаловался на резь, но тогда все были заняты спасением жизней.

Неужели снежная слепота? Ли Цинчжо не нашел в медицинских книгах описания подобных симптомов и не знал, как их лечить. Ли Цинвэнь метался по комнате точно ошпаренный. Видя его смятение, Цзян Цун после недолгого раздумья произнес:

— Это у нас семейное. Стоит слишком сильно напрячь зрение — и глаза становятся такими. Отдохну пару дней, и всё пройдет, не тревожься.

Услышав про наследственность, юноша окончательно пал духом. Значит, это неизлечимо. Но Цзян Цун схватил его за ладонь и принялся медленно чертить иероглифы на коже.

«Это вряд ли можно назвать болезнью, — медленно выводил он знак за знаком. — Просто я вижу намного дальше и четче других. Но за это приходится платить — мои глаза устают гораздо быстрее»

Сложив все знаки в уме, Ли Цинвэнь замер от изумления. Так вот в чем секрет его меткой стрельбы! Словно угадав мысли друга, воин едва заметно улыбнулся и прошептал:

— Мало просто видеть. Нужно еще уметь попадать в цель.

Он с самого детства изнурял себя тренировками, и только поэтому достиг нынешнего мастерства. Теперь мальчик понимал, почему глаза друга превратились в кровавое месиво — последние дни тот непрерывно всматривался в белую мглу. Его глаза просто не выдержали такого напряжения!

Цзян Цун тихо попросил Ли Цинвэня не рассказывать об этом никому — он не хотел выделяться. Мальчик стал первым человеком после его семьи, кому открылась эта тайна. Окружающие не слышали их шепота и лишь с улыбкой наблюдали, как Ли Цинвэнь, точно маленький старик, наставляет старшего товарища.

Ли Маоцюнь показал свои покрасневшие глаза и попытался утешить племянника:

— В те дни, когда выходило солнце, глаза так резало от снега, что сил не было. До сих пор колет. Но стоит прослезиться — и становится легче.

Ли Цинвэнь только горько усмехнулся. Вот у дяди как раз и была самая настоящая снежная слепота. Он строго-настрого запретил Ли Маоцюню тереть глаза грязными руками и велел побольше сидеть в полумраке избы. Дядя послушно исполнил наказ, и вскоре резь действительно утихла. Спустя несколько дней краснота в глазах Цзян Цуна тоже начала спадать, но Ли Цинвэнь не мог выбросить это из головы.

Посеянная в доме зелень уже взошла, радуя глаз изумрудными ростками. Он велел другу почаще смотреть на зеленый цвет. Опасаясь, что кто-то съест нежные всходы, мальчик даже выпросил у старины Сина треснувший горшок, пересадил туда несколько кустиков и объявил, что их нельзя трогать. Люди пообещали не трогать растение — в конце концов, это была всего лишь трава, никто на неё не зарился.

После возвращения больше всех хлопот было у Ли Цинчжо. Он без устали обрабатывал лекарственные корни; ту часть пантов, что раскрошилась в пути, он нарезал тонкими пластинами и бережно уложил в мешочки. Сделав из конского волоса кисточки, он аккуратно очищал каждый гриб линчжи от пыли, прежде чем убрать на просушку.

Те, кому посчастливилось вернуться из похода, теперь вздрагивали при одном взгляде на снег и об охоте старались не вспоминать. Но только не Цзян Цун. Как только глаза зажили, он снова стал каждый день выходить наружу. Ли Цинвэнь был против, опасаясь, что это окончательно погубит зрение. Но воин спокойно объяснил, что им, возможно, придется прожить здесь много лет, и к местному климату нужно привыкать.

Тогда юноша принялся искать способ победить снежную слепоту. Он принялся лихорадочно вспоминать всё, что когда-либо слышал о северных народах. И тут в памяти всплыло слово «снежные очки». Тибетцы защищают глаза с помощью приспособления, которое плетут из шерсти яков... Мальчик не знал, как именно они плетутся, но отчетливо представлял, как они должны выглядеть, и поделился задумкой с братьями.

Ли Цинжуй и Цзян Липин в восторге одобрили идею. Сказано — сделано. Шерсти яков у них не было, зато была пеньковая веревка, мех снежных зайцев и хлопковые нитки. Группа мужчин принялась вертеть нитки в руках, а Ли Цинвэнь, случайно заметив куски бересты, внезапно нашел решение проще.

Он отрезал полоску коры, примерил её к лицу брата и ножом прорезал две узкие

горизонтальные щели. Закрепив берестяные «очки» на лице Ли Цинжуя, он услышал восхищенные возгласы:

— Эй, да это же в разы лучше! Вот оно, решение!

Береста мгновенно стала величайшим сокровищем. Цзян Цун вернулся поздно, и хорошо, что друг приберег для него кусок коры. Ма Юнцзян, которому «очков» не хватило, в притворном отчаянии завопил:

— Да ты же просто любимчик! Какая вопиющая несправедливость!

Ли Цинвэнь удивленно посмотрел на него:

— Вот если бы я отдал их тебе, а не брату, это и впрямь была бы несправедливость за тридевять земель!

Ху Личуань хохотнул:

— Он хочет сказать, что в его сердце ты стоишь позади Цзян Цуна на восемьсот ли!

Старина Син, только что проснувшийся на горячем кане, вставил свое слово:

— На южной стороне, в землянках, женщины живут. Такое тонкое дело, как нитки, бабьим рукам привычнее...

Среди каторжан, присланных ранее, действительно было несколько женщин. Тут же многие бросились расспрашивать, где именно живут эти ссыльные. Цзян Липин и другие семейные люди, разумеется, в этом не участвовали. Ли Цинжуй только усмехнулся: ему на свою жену и детей никак не насмотреться. Ли Маоцюнь тоже качнул головой: пока он не скопит денег на свадьбу, на чужих девиц смотреть не станет. А Ли Цинчжо с головой ушел в медицинскую книгу.

Проводив взглядом шумную толпу, старина Син пробормотал:

— Эх, разве женщина может сравниться с добрым вином...

Вскоре ходоки вернулись, наперебой рассказывая о тонких станах ссыльных дам. Когда толпа мужчин принимается обсуждать женщин, разговор неизбежно становится всё более соленым. Ли Цинвэню стало не по себе, и он уже подумывал выйти во двор, когда Цзян Цун негромко произнес:

— Похоже, спокойные дни у нас заканчиваются. Господин Чжоу сказал, что скоро начнется патрулирование, так что пора приступать к тренировкам.

Эти слова мгновенно разогнали легкомысленное настроение. Цзян Липин бросил взгляд на товарища. Ведь патрулирование должно было начаться не сразу. Уж не из-за этих ли вольных разговоров воин решил сменить тему?

Незаметно подступили последние дни двенадцатого лунного месяца — Лаюэ. Обычаи Великой Лян в разных концах империи сильно разнились, и так вышло, что в их отряде праздничных поводов стало вдвое больше. Ради торжества люди снова отправились на охоту. В этом походе все на деле убедились в пользе снежных очков и наперебой хвалили Ли Цинвэня.

Солдаты ушли на промысел еще несколько дней назад. Появились и другие ссыльные; кто-то пытался рыбачить на реке, кто-то бродил с силками, но охотники из них были никудышные. Несколько человек из их числа подошли к Цзян Липину и вежливо попросили обменять их нехитрые припасы на рыбу. Глава был человеком прямым и охотно согласился. Когда они ушли, он шумно выдохнул:

— Ох и трудно же с этими книжниками толковать! Наплетут семь верст до небес, аж голова пухнет!

Вскоре вернулся Цзян Цун с охотниками. Обе волокуши были нагружены доверху. Старина Син, прихватив тушки, тайком прокрался к поварам и выменял мясо на белый рис, соевую пасту и соль. Повара на кухне лучше других знали, сколько провианта в закромах, и крали понемногу для своих нужд. Старик сговорился принести им заячьи шкурки за дополнительную соль и ушел, весело насвистывая.

В Бинчжоу в двенадцатом месяце очищение дома и печи было обязательным. Дождавшись редкого солнечного дня, братья выгребали золу, а Ли Цинвэнь и Ли Маоцюнь отправились стирать одежду. Грубое домотканое полотно намокая становилось тяжелым как доска, и мальчик безуспешно сражался с ним, пока не вернулся Цзян Цун и не забрал мокрую одежду.

Наступил канун Нового года. Люди сидели на кане, беседуя о прошлом. Ли Цинвэнь шепотом поделился тревогой о родителях со старшими братьями. Те только улыбнулись, но стоило им отвернуться, как Ли Цинжуй тихо спросил, много ли у них оставалось патоки, а Ли Цинчжоу поинтересовался, когда приедет торговец. Стало ясно — оба только вид делают, что спокойны.

Услышав, что пора за готовку, Ли Цинвэнь спрыгнул с кана:

— Я сам! Всё сделаю!

В их компании, кроме него, готовить вкусно не умел никто. Юноша засучил рукава, выбрал самых жирных птиц и принялся вытапливать жир. Он поручил другу разделать тушки на куски, а сам принялся мариновать их. Соли теперь было вдоволь, и повар не жалел её. Работа в кухне закипела.

Когда пришло время, Цзян Цун подбросил дров в печь. Юноша принялся обжаривать куски фазана, и аромат жареного мяса сразу заставил всех притихнуть. Следом настала очередь зайчатины. Едва мясо снимали с огня, кто-то тут же прибежал стащить кусочек. Мальчик сам вложил в рот помощнику пару кусков, и тот удовлетворенно кивнул.

Дом наполнился теплым духом очага. Блюда были простыми, но едоков было много. Когда еду подали на стол, все радостно подняли чарки с водой. Так прошел первый Новый год Ли Цинвэня в этом мире.

На следующий день наступил Юаньчжэн — новолетие по обычаям Хунчжоу. Ли Цинвэнь приберег кедровые орехи, решив посадить их весной. Услышав об этом, люди расхохотались: ждать первой горсти орехов придется слишком долго. Мальчик достал и другие семена, найденные в беличьем дупле, намереваясь посмотреть, что из них вырастет.

Жарить орехи он взялся сам, то и дело пробуя ядрышки. Аромат жареного лакомства пришелся по вкусу абсолютно всем. И тут кто-то задумчиво произнес:

— Если про эти орехи пронюхают наверху, не станут ли они императорской данью?..

От этих слов люди на мгновение замерли, а потом принялись щелкать орехи с удвоенной силой.

Праздники миновали, и Цзян Липин с товарищами больше не засиживались в доме. Каждый день они уходили на учения. Их волокуши и берестяные очки вскоре привлекли внимание солдат. Чжоу Фэн-нянь вызвал лидеров к себе и, оставшись в восторге, велел солдатам сделать такие же вещи. Особенно полезными оказались снежные очки.

За доброе дело полагалась награда. Чжоу Фэн-нянь спросил, чего они желают. Цзян Липин промолчал, вопросительно глядя на Цзян Цуна: он чувствовал, что у того наверняка есть заветная просьба.